

Г. Г. Ильина¹, А. А. Александров², Е. И. Исмаилова³

**ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ Д. ЯМАНОВО И С. ТОБУРДАНОВО
КАНАШСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ЧУВАШИЯ
И ЕЕ БЫТОВАНИЕ У ЧУВАШСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
СЕВЕРНОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ**

¹*Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия*

^{2,3}*Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Россия*

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов»).

Аннотация. В настоящей статье в сравнительном аспекте рассматривается песенный фольклор д. Яманово и с. Тобурданово Канашского района Чувашской Республики и бытование этой микролокальной традиции у потомков чувашских переселенцев из этих населенных пунктов в Новосибирскую область. Были использованы современные, архивные и опубликованные материалы (1933–2020 гг.), записанные на материковой территории традиции и в ее сибирской диаспоре. Системы фольклорных жанров поволжской и сибирской традиций во многом совпадают. Некоторые жанры, относящиеся к обрядовому фольклору, в Сибири оказались утраченными. В фольклоре сибирских чувашей более заметны заимствования из русской традиционной музыки. Подобное качество проявляется на уровне отдельных компонентов (песенные сюжеты, напевы), а также в плане целых жанров (лирические песни поздней традиции, русские частушки, фольклоризованные церковные песнопения). Благодаря глубокой структурированности элементов музыкального языка, свойственной чувашской песенной культуре, ритмо-синтаксическая и ладовая основа подавляющего большинства песенных образцов сохранилась в сибирско-чувашской традиции практически без изменений. Отличия между поволжскими и сибирскими вариантами затрагивают преимущественно уровень мелодики. Заметно также усиление роли низового диалекта в сибирско-чувашской диаспоре.

Ключевые слова: чувашский фольклор, средненизовые чувашы, песенный фольклор сибирских чувашей, песенная трансформация, фольклорная диаспора, сравнительные исследования в фольклоре.

G. G. Ilyina¹, A. A. Aleksandrov², E. I. Ismagilova³

**FOLKLORE TRADITION OF THE VILLAGE OF YAMANOVO
AND THE VILLAGE OF TOBURDANOVO
OF THE KANASH DISTRICT OF THE REPUBLIC OF CHUVASHIA
AND ITS EXISTENCE AMONG THE CHUVASH SETTLERS
OF THE NORTHERN DISTRICT OF THE NOVOSIBIRSK REGION**

¹*Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia*

^{2,3}*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Acknowledgement

The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-78-10113 “Folklore of Autochthonous and Migrant Traditions of the Peoples of the Volga Region in Modern Records and Historical Dynamics: Interactive Atlas of Sounding Texts”).

Abstract. The article considers the song folklore of the village of Yamanovo and the village of Toburdanovo of the Kanash district of the Chuvash Republic in a comparative aspect and the existence of this microlocal tradition among the descendants of the Chuvash immigrants from these settlements to the Novosibirsk region. The study employed the modern, archival, published materials (1933–2020), and the traditions recorded on the mainland territory and in its Siberian diaspora. The systems of folklore genres of the Volga and Siberian traditions largely coincide. Some genres related to ritual folklore were lost in Siberia. In the folklore of the Siberian Chuvash people, borrowings from Russian traditional music are more noticeable. This feature is manifested at the level of individual components (song plots, melodies), as well as in terms of entire genres (lyrical songs of the late tradition, Russian ditties, folklorized church chants). Due to the deep structuring of the elements of the musical language inherent in the Chuvash song culture, the rhythmic-syntactic and modal basis of the vast majority of song samples has been preserved in the Siberian-Chuvash tradition almost unchanged. The differences between the Volga and Siberian versions affect mainly the level of melodic. The strengthening of the role of the Anatri dialect in the Siberian-Chuvash diaspora is also noticeable.

Keywords: *Chuvash folklore, Anat jenchi Chuvash people, song folklore of Siberian Chuvash people, song transformation, folklore diaspora, comparative studies in folklore.*

Введение. Массовое переселение чувашей в Западную Сибирь и другие регионы началось в конце XIX – начале XX века. В течение XX века переселения шли из районов проживания как верховых, так и низовых чувашей. «Волны» переселения были связаны со столыпинской аграрной реформой, голодом 1921 г., колонизацией новых земель в лесных районах (со второй половины 1920-х гг.), раскулачиванием в 1930-е гг., плановыми переселениями 1950–1970-е гг. и лишь отчасти с другими факторами [5], [6], [7], [8], [15].

Актуальность исследуемой проблемы. В статье введен в научный обиход обширный круг новых фольклорно-этнографических материалов, значительно расширяющих сложившиеся ранее представления о песенном фольклоре переселенцев из Чувашии. Целью исследования является доказать на конкретных примерах, что длительное проживание на территории Новосибирской области не стало препятствием для сохранения традиций прежней родины. Традиция сохранилась не только в вербальном фольклоре, но и в музыкально-певческом стиле.

Материал и методы исследования. Фольклорная традиция Канашского района была зафиксирована в ходе правительственных экспедиций фольклористами и музыковедами Чувашии В. П. Воробьевым, Е. С. Сидоровой, Ю. М. Артемьевым, А. В. Васильевым (1933, 1960, 1970). Нотная расшифровка производилась композитором В. П. Воробьевым, музыковедами А. А. Осиповым, М. Г. Кондратьевым. В 1977, 1979 гг. Казанской государственной консерваторией была организована экспедиция, материалы которой к настоящему моменту частично опубликованы в разных изданиях [11], [12], частично хранятся в НА ЧГИГН (см. Материалы и источники). В 2020 году в рамках работы над проектом «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» А. А. Александровым была проведена фольклорная экспедиция в д. Яманово и с. Тобурданово Канашского района Чувашской Республики (материалы экспедиции хранятся в Библиотечном фонде Чебоксарского музыкального училища им. Ф. П. Павлова). Эти населенные пункты территориально близки и принадлежат к одной микролокальной традиции.

На территории сибирского региона песенный фольклор переселенцев из Канашского района был записан в 2002–2003 гг. в деревне Чуваши Северного района Новосибирской области в ходе работы двух музыкально-фольклорных экспедиций Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (далее – НГК), проведенных под руководством Н. В. Леоновой (материалы экспедиций хранятся в Архиве традиционной музыки НГК, шифры коллекций А 184, А 190). От потомков выходцев из д. Яманово была записана разнообразная фольклорно-этнографическая информация, а также целый ряд песенных образцов различных жанров.

Для решения поставленных задач были использованы методы теоретического анализа: историко-культурологический, интервьюирование, экспедиционный метод исследования в полевых условиях. Личность исполнителя фольклорной традиции начала привлекать внимание исследователей в фольклористике. В полевой практике есть возможность записывать от одного и того же исполнителя самые разные по составу фольклорные тексты. Ценными для исследования являются не только тексты, исполненные ею, но и комментарии к ним. Далее нами велся активный поиск вариантов одного и того же текста на территории Новосибирской области и на территории Чувашской Республики для сравнительного изучения. Для этого были использованы описательный метод с приемами: систематизация, оценка фактического материала; сопоставительный метод, заключающийся в анализе и сравнении сибирских вариантов записей с вариантами, записанными на малой родине.

Результаты исследования и их обсуждение. Канашский район находится в самом центре Чувашии. До революции он находился в составе Цивильского уезда Казанской губернии. Как отмечает доктор исторических наук В. Д. Димитриев, возникновение населенных пунктов в северной и центральной части Чувашии, куда входит и Канашский район, относится к XIII–XV вв., но некоторые из них относятся к X–XII столетиям. Эти деревни, существовавшие в середине XIV в., были зафиксированы как самостоятельные общины и назывались материнскими. По его подсчетам, на этой территории в середине XIV в. было свыше 300 чувашских деревень. Возникновение дочерних селений (выселков) относится к XIV – началу XX в., в какой-то мере и за счет основания их чувашскими крестьянами, переселившимися из Приказанья и Заказанья [1, с. 75], [13, с. 7].

Исследуемые нами населенные пункты с. Тобурданово и д. Яманово расположены в юго-западной части названного района и граничат с Комсомольским районом Чувашской Республики. Для полного представления фольклорных традиций этих поселений нам необходимы некоторые сведения о них.

Существует несколько вариантов исторических преданий об образовании с. *Сиккасси* (рус. Тобурданово). По одной из версий, чувашское село Сиккасси было основано в середине XVI века после взятия Казани в 1552 году Иваном Грозным. Как гласит предание, «Направляясь на Казань, Иван Грозный захватил с отрядом в д. Тобурданово. Собрав крестьян-чувашей, он обратился к ним с просьбой оказать русским войскам помощь продовольствием, а тем, кто в состоянии, примкнуть к его армии. Тут же из чувашей назначили сборщиков продовольствия и одежды, и в селениях Тобурданово, Яманово, Шатьмы они собрали много скота, хлеба, одежды, а также холста. Скот резали в Тобурданове же. По указанию Ивана Грозного, шкуры возвращали тем, кто сдавал скот. Им же выдавались грамоты на получение денег из казны. Тобурдановские чуваша возами доставляли продовольствие на место расположения русских войск» [1, с. 75].

Имеется и другая версия. Старожилы считали, что населенные пункты Яманово, Тобурданово и Шатьмы родственные и основаны людьми, переселившимися из-под г. Тютюши, с берегов р. Урюм.

По данным третьих текстов, на глухие лесные места первым переселился охотник по имени Тобурдан вместе со своей женой. Были они выходцами деревни *Пукяр* (Богурданово Цивильского уезда – ныне Канашский район). Река Тобурдан названа в честь основателя

деревни. Когда село разрослось, некоторые семьи *сиксе ларнӑ* (букв. пересеть) – переселились на другую сторону реки Тобурдан [14].

Яманкасси (Яманов) (Аксарино–Яманово до 1918), деревня в Канашском районе, входит в Тобурдановское сельское поселение. Расположена на левобережье р. Урюм. Языковедами, участвовавшими в экспедиции 1970 г. в этих населенных пунктах, отмечено следующее: «Язык чувашей села Тобурданова отличается от нормы литературного языка» [НА ЧГИГН, отд. III, ед. хр. 509, с. 10]. А. А. Алексеев: «В языке тобурдановцев обнаруживаются черты средненизового говора. В частности в фонетике устной речи мною замечено лабиализованные, огубленные гласные *ӓ*, *ӕ* и озвончение некоторых согласных между двумя гласными: *пырадӑ*, *киледӑ* и т. д.» [НА ЧГИГН, отд. III, ед. хр. 509, с. 11].

Указываемые поселения относятся к средненизовым чувашам. В формировании культуры местного населения средненизовой группы сыграли большое влияние «пришельцы» – низовые чуваша, бежавшие на север в XIV в. Результатом, подтверждающим этот факт, является наличие в Канашском районе особенностей музыкального фольклора, характерных как для средненизовых, так и низовых чувашей.

Музыковед А. А. Осипов указывает и на следующую причину диалектной «пестроты» музыкального фольклора Канашского района: «...изучаемый район являлся перекрестком многих дорог, он и до сих пор является «железнодорожными воротами» Чувашии. Население его в последние сто лет интенсивно прирастало притоком из других районов. Это также играло важную роль в формировании местного этномузыкального диалекта» [10, с. 121].

Система музыкально-фольклорных жанров Яманово и Тобурданово освещена нами в более ранней работе [2]. Широко распространенными являются песни переселенцев. На территории Чувашии в них поют о том, что им поневоле придется уехать в Сибирь. Одна из повсеместно бытующих песен переселенцев так повествует об этом: *Отец нам белую избу поставить обещал, / Посреди тока ель вырастет когда, / Посреди тока ели не вырасти да / Отцу мне белой избы не поставить. / Поневоле придется выехать на новые земли, / В дремучем лесу ель срубив, избу ставить чтобы, / В дремучем лесу ель срубив, избу поставим когда, / Приезжайте к нам, родные, посмотреть.*

Сибирские записи, привлекаемые в настоящей статье для сравнительных исследований, представляют собой песенный репертуар преимущественно одной из самых ярких и знающих носительниц традиции – Татьяны Акимовны Слепченко. Ее отец Аким Ястребов родился в деревне Яманово, в 1908 году вместе с женой – крещеной татаркой, перенявшей чувашский язык и культуру, – переехал в Сибирь. Сама же исполнительница родилась в 1925 году в ныне не существующей деревне Прибеленка, располагавшейся когда-то на территории современного Северного района Новосибирской области. По свидетельству исполнительницы, чувашские песни она выучила именно от своей матери, поскольку ее отец петь не умел. В последние десятилетия XX – начале XXI века она проживала в д. Чуваши Северного района; по профессии она была учительницей начальных классов. В ансамбле с Т. А. Слепченко пели ее более младшие подруги: Мария Николаевна Голубева, 1932 г. р. (ее родители – выходцы из деревень Чубаево и Кульгеш Урмарского района Чувашской АССР) и Елизавета Ивановна Петрова, родившаяся в 1947 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области (информацией о местах рождения своих родителей она не владеет).

Благодаря замечательной памяти Т. А. Слепченко и ее незаурядным певческим способностям в ее репертуаре сохранилось большое количество разнообразных чувашских фольклорных текстов. Среди них песни, относящиеся к обрядовому фольклору, – масленичные и свадебные (в том числе был записан плач невесты, который исполнительница слышала еще в детстве, в начале 1930-х гг.), а также календарно-приуроченные хороводные

(петровские) песни. Были зафиксированы также гостевые и рекрутские песни, многочисленные образцы традиционной чувашской лирики и песни поздней традиции (XIX–XX вв.). Вместе со своими подругами Т. А. Слепченко пела чувашские частушки (*такмаки*) и припевки под пляску. Кроме того, от нее была записана богатая в содержательном плане этнографическая информация о традиционном, еще довоенном укладе жизни сибирско-чувашской деревни, проведении календарных и семейных обрядов и праздников (подробнее об этом см. в [4]).

При всей хорошей сохранности чувашского фольклора в памяти Т. А. Слепченко в зафиксированном от нее музыкальном материале можно обнаружить очевидное влияние русской традиционной музыки. Оно проявляется в бытовании песен на чувашском языке с напевами русских песен поздней традиции («Где летал по свету ворон», образцы с напевом широко известной в первой половине XX в. песни «Кирпичики»). По рассказам исполнительницы, в результате контактов с живущими в соседних селах русскими и украинцами, осуществлявшимися во время съезжих праздников и святочных гуляний, в ее репертуар попали русские игровые песни и частушки с русскими напевами. Кроме того, известно, что при проведении похоронного обряда у сибирских чувашей исполнялись православные песнопения («Отче наш», «Трисвятое») на чувашском и русском языках, несколько трансформировавшиеся в результате бытования в фольклорной среде. Вероятно, подобная практика включения богослужебных текстов в народный похоронный обряд существовала еще на материковой территории функционирования традиции.

Интересен выбор песен при их совместном воспроизведении. Напомним, что исполнительницы являются представительницами разных музыкальных диалектов: родители Т. А. Слепченко, по всей вероятности, были носителями низового диалекта (*анатри*), предки же М. Н. Голубевой – выходцы из Урмарского района Чувашии – принадлежали к иной – средненизовой локальной традиции (*анат-енчи*). Часть репертуара сибирские песенницы исполняют вместе. Среди этих фольклорных произведений песни поздней традиции, известные в разных районах Чувашии и за ее пределами, отдельные тоже широко распространенные свадебные и гостевые песни, частушки с чувашским и русским напевами – т. е. образцы, принадлежащие к более позднему, т. н. наддиалектному пласту [4, с. 137]. Обрядовые же жанры (масленичные, рекрутские песни), имеющие более ярко выраженную локальную природу, Т. А. Слепченко исполняла только, т. к. ее подруги эти произведения спеть не могли в силу своей иной локальной принадлежности.

При том, что хороводные песни чувашей *анатри* и *анат-енчи* заметно отличаются друг от друга [4, с. 84–90, 126–130], в рассматриваемой нами сибирской традиции потомки представителей разных диалектов пели их вместе. И здесь мы можем обнаружить влияние более старшей и авторитетной песенницы Т. А. Слепченко на других исполнительниц, представительниц, вероятно, других музыкальных диалектов. Подобный пример в целом укладывается в существующее представление о преобладании низового диалекта в сибирско-чувашской диаспоре [3].

Далее обратимся к сравнительному анализу фольклорных текстов. Среди образцов, выполненных в сибирско-чувашской диаспоре Северного района Новосибирской области, были обнаружены близкие варианты к фольклорным текстам, записанным от чувашей из Канашского района – материковой территории традиции. В качестве примера в данном случае взят текст песни, который широко распространен в Чувашии. Текст из Канашского района Чувашии помещен с левой стороны, его сибирский вариант – с правой.

<i>Атте мана шур пурт лартса парас тетчӗ,</i>	<i>Ирӗксӗрех килес пулчӗ Сибире</i>
<i>Атте мана шур пурт лартса парас тетчӗ,</i>	<i>Хурӑн касса шур пурт туса лартмашкӑн</i>
<i>Йӗтем варринче чӑрайш ӳйтса ӳссессӗн.</i>	<i>Хурӑн касса шур пурт туса лартсассӑн</i>

*Йётем варринче чӑрайи шӑтса ӱсейрес сук.
Атте мана шур пӳрт лартса парайрас сук.
Ирӑксӑрех каяс пулатъ сӑн сӑре.
Сӑм вӑрманта чӑрайи касса пӳрт лартма.
Сӑм вӑрманта чӑрайи касса пӳрт лартсан,
Пырса курӑр пирӑн пата Сибире [2].*

*Пырса курӑр пирӑн пата Сибире.
Атте мана шур пӳрт лартса парас тетчӑ
Урам варне сӑка шӑтса ӱссессӑн.
Урам варне сӑка шӑтса ӱсес сук.
Авӑс касса кӑлет лартмашкӑн
Атте мана шур пӳрт лартса парас сук.*

Сравниваемые тексты отличаются содержанием. На территории Чувашии песня раскрывает причины, в силу которых пришлось переселиться на новые земли. В сибирском варианте сразу говорится о том, что поневоле пришлось приехать в Сибирь. Сходными являются и названия пород деревьев, и хозяйственные постройки, возведенные из них. В сибирском варианте изменена структура текста. Все строфы начинаются со строки: *Ирӑксӑрех килес пулчӑ Сибире* / Поневоле пришлось приехать в Сибирь (здесь и далее перевод чувашских текстов выполнен Г. Г. Ильиной).

В отношении свадебных песен отметим следующее. В Поволжье чувашский свадебный обряд был сложным и многосоставным. Он представлял собой многодневное народно-театрализованное представление. Многие обычаи в настоящее время изжиты, а вместе с тем начали уходить из обихода и песни, исполняемые в ходе свадьбы: *хӑр сӑм юррисем* (песни подружек невесты), *хӑр йӑрри* (плач невесты) и др. В ходе экспедиции 1970 г. Е. С. Сидоровой отмечено: «Записала тексты «Хӑр йӑрри». Мною замечено, что в этом селении женщины моложе 50–60 лет не знают мелодии «Хӑр йӑрри». И они говорят, что при них свадьбы проходили без плача» [НА ЧГИГН, отд. III, ед. хр. 509, с. 7]. В сибирской деревне Чуваши от Т. А. Слепченко в 2003 году был записан фрагмент текста свадебного плача. Для сравнения приводим только те строфы, которые имеют схожие строки:

*Тваткӑл сӑрем сӑр сӑрли
Тваткӑл сӑрем сӑр сӑрли.
Сӑрли нумай, сӑр сахал,
Сӑрли нумай, сӑр сахал,*

*Тваткал-тваткал сӑр сӑрли
Тваткал-тваткал сӑр сӑрли.
Сӑрли нумай, сӑр сахал,
Сӑрли нумай, сӑр сахал,*

*Атте-анне килӑнче
Атте-анне килӑнче.
Ырлӑх нумай, кун сахал,
Ырлӑх нумай, кун сахал.*

*Атте-анне килӑнче
Атте-анне килӑнче.
Ырлӑх нумай, кун сахал,
Ырлӑх нумай, кун сахал.*

(записано А. А. Александровым в августе 2020 г. в с. Тобурданово Канашского района Чувашской Республики от супругов Чулаховых, 1947 г. р.).

(записано экспедицией НГК в июле 2003 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко, 1925 г. р.).

Приведенные тексты полностью идентичны: Квадратный луг, / Квадратный луг / Ягод много, земли мало, / Ягод много, земли мало. / В родительском доме / В родительском доме. / Добра много, дней мало / Добра много, дней мало. Эти фрагменты демонстрируют достаточно высокий уровень сохранности обрядового текста, зафиксированного в сибирской диаспоре.

В чувашской народной традиции гостевые песни называются *ёскӑ юррисем* (пирушечные песни), которые исполняются на праздничных собраниях родственников. Они исполняются хозяевами дома и гостями. К гостевым же песням относятся и *хӑна юрри*, исполняемые в гостях. К ним же относятся песни *кӑреке юрри* (застольные песни).

Имеются некоторые сложности с определением гостевых песен. Музыковед А. А. Осипов пишет об этом следующим образом: «В эпоху, когда существовали языческие обряды чуваш, пирушки собирались по различным поводам: в честь уборки урожая, на все календарные праздники, на всевозможные поминки по усопшим и т. д. На все эти пирушки приурочивались определенные песни. Вполне возможно, что напевы кочевали из песен одного пирушечного обряда в другой» [10, с. 113].

В репертуаре исполнительницы с. Чуваши имеется вариант пирушечной песни, широко распространенной не только в Канашском, но и в других районах Чувашии.

Полный вариант гостевой песни, приведенный ниже, имеет следующую структуру. В первой строфе гости поют о целях своего прихода в гости и условия, при котором они уйдут обратно. Во второй строфе поют о том, что все условия выполнены и пора уйти домой. Например: не уйдем мы из этого дома, пока не откроем двенадцатиобручную бочку с пивом и не выпьем его. Следом же поют о том, что бочка открыта, пиво выпито, теперь домой уходим. Сибирская исполнительница опустила первые строфы.

*Вуник кайшӓллӓ,
Вуник кайшӓллӓ, вуник кайшӓллӓ пичкине
Ҷапса усмасӓр, ёҶсе ямасӓр каймастпӓр,
Ҷапса усмасӓр, ёҶсе ямасӓр каймастпӓр.*

*Вуник кайшӓллӓ,
Вуник кайшӓллӓ, вуник кайшӓллӓ пичкине
УҶса пӓхрӓмӓр, ёҶсе пӓхрӓмӓр, каятпӓр.
УҶса пӓхрӓмӓр, ёҶсе пӓхрӓмӓр, каятпӓр.*

*Вуник кайшӓллӓ,
Вуник кайшӓллӓ, вуник кайшӓллӓ пичкине
Ҷапса усрӓмӓр, ёҶсе ятӓмӓр, каятпӓр,
Ҷапса усрӓмӓр, ёҶсе ятӓмӓр, каятпӓр.*

(записано экспедицией НГК в 2003 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко, М. Н. Голубевой, Е. И. Петровой).

Бочку с двенадцатью обручами, / С двенадцатью обручами / с двенадцатью обручами / Не открыв и не выпив / не уйдем. / Бочку с двенадцатью обручами, / с двенадцатью обручами / С двенадцатью обручами / Открыли да выпили / Уходим.

(записано А. А. Осиповым в 1981 г. в Канашском районе Чувашской Республики).

В следующей гостевой песне в сибирском варианте опущен припев к этой песне. Это песня широко распространена не только в Канашском, но и в других районах Чувашии. Отличает ее от других наличие припева в песне:

*Юри килтӓм юрлама та,
Юри килтӓм юрлама.
Ўлӓм тата килӓп-ха калаҶма.*

*Юри килтӓм юрлама та,
Юри килтӓм юрлама.
Ыран килӓп калаҶма.*

Припев: *Тӓван тӓвана чӓнет,
Ҷичӓ юта кам чӓнет?
Пӓр чӓнемесӓр
Тӓван патне кам килет?*

Нарочно пришел песни петь да / Нарочно пришел песни петь / Завтра приду поговорить.

(записано экспедицией НГК в 2003 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко, М. Н. Голубевой, Е. И. Петровой).

Нарочно пришел песни петь да / Нарочно пришел песни петь / В будущем приду поговорить / Родня родню приглашает / Кто

не родного пригласит? / Без приглашения
к родне кто приходит?

(записано А. А. Александровым в 2020 г. в с. Тобурданово Канашского района от М. И. Мухиной, 1924 г. р.).

Рекрутские песни записаны в Канашском районе в большом количестве. В текстах рекрутских песен с яркими параллелизмами повествуется о том, что молодость прошла и теперь жизнь готовит суровые испытания, о тяжести разлуки с родными.

*Укълчаран тухрӑм, эп тайӑлтӑм,
Укълчаран тухрӑм, эп тайӑлтӑм,
Пётём ял-йышран уйрӑлтӑм.*

*Поскотинтан тухрӑм, эп тайӑлтӑм,
Поскотинтан тухрӑм, эп тайӑлтӑм,
Хам суралнӑ сёр-шывран уйрӑлтӑм.*

(записано Е. С. Сидоровой в 1970 г. в с. Тобурданово Канашского района от В. С. Мурзакова (НА ЧГИГН, отд. III, ед. хр. 340, с. 35)

Вариант:

*Укълчаран тухрӑм, эп тайӑлтӑм,
Укълчаран тухрӑм, эп тайӑлтӑм,
Ял-йышсем юлчӑс пулӑ те-ха сӑнаса.*

За околицу вышел, я поклонился / За околицу вышел, я поклонился / Со всеми односельчанами расстался я.

За околицу вышел, я поклонился / За околицу вышел, я поклонился / С родимой стороной расстался я.

(записано А. А. Александровым в августе 2020 г. в с. Тобурданово Канашского района Чувашской Республики от супругов Чулаховых, 1947 г. р.).

(записано экспедицией НГК в июле 2003 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко, 1925 г. р.).

В следующем образце хороводной песни мы видим полное совпадение текста:

*Пустарӑнтӑмӑр, тантӑшсем,
Сёт сине ларнӑ хӑйма пек.
Саланатпӑр, тантӑшсем,
Вёсен кайӑк чӑпти пек.*

*Пустарӑнтӑмӑр, тантӑшсем,
Сёт сине ларнӑ хӑйма пек.
Саланатпӑр, тантӑшсем,
Вёсен кайӑк чӑпти пек.*

Собрались мы, друзья, / Словно сливки на молоке. / Расходимся, друзья, / Словно птенцы.

(записано экспедицией НГК в 2003 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко, М. Н. Голубевой, Е. И. Петровой).

(записано Е. С. Сидоровой в 1970 г. в д. Яманово Канашского района от А. Р. Романова (НА ЧГИГН, отд. III, ед. хр. 340, с. 42).

Традиционное празднование масленицы у чувашей длилось около двух недель. Молодежь каталась на разукрашенных повозках. Обряд сопровождался пением масленичных песен. Приведем пример масленичной песни в ее поволжском и сибирском бытовании:

Çаварни те сунни те, ай, сён суна,
 Сул якатма тесе тухрăмăр,
 Сул якатма тесе те тухрăмăр.

Уттарар-и паян та чуптарар-и?
 Аслă султа шур юр пур чуне,
 Аслă султа шур юр пур чуне.

Ёсёр-и паян та, ай, сийер-и
 Çамрăк пуçра сывлăхсем пур чухне,
 Çамрăк пуçра сывлăхсем пур чухне.

Лаширене кўлер-и лайăххисе?
 Пёкёрен сўлерех пуçлисе,
 Пёкёрен сўлерех пуçлисе.

Лаширене кўлер-и лайăххисе,
 Силхи вёсёсем кăтрисе,
 Силхи вёсёсем кăтрисе?

Савнисене лартар-и лайăххисе?
 Хураях та мерчен те куçлисе,
 Хураях та мерчен куçлисе?

Хёрсене лартар-и чиперрисе,
 Шăнкрав майлă уçă саслисе,
 Шур шелковый тутăр силхисенче.

Масленичные сани, ай, новые сани, / Дорогу проторить вышли мы, / Дорогу проторить вышли мы. /

Не запрячь ли коней самых лучших? С головой выше оглоблей, / С головой выше оглоблей. / Не посадить ли самых любимых? / С черными да жемчужными глазами, / С черными да жемчужными глазами?

(записано А. А. Александровым в августе 2020 г. в с. Тобурданово Канашского района Чувашской Республики от супругов Чулаховых, 1947 г. р.).

Шагом ли пускать или рысью? / На широкой дороге пока есть белый снег, / На широкой дороге пока есть белый снег. / Выпить ли сегодня нам да поесть ли? / В молодых головушках пока здоровье есть, / В молодых головушках пока здоровье есть. / Не запрячь ли коней самых лучших? / С кудрявой гривой, / С кудрявой гривой? / Не посадить ли девушек красивых / Звонкоголосых, подобно колоколу, / Да с шелковыми платками на головах.

(записано экспедицией НГК в июле 2003 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко, 1925 г. р.).

Тексты песен разнятся в строфах, но это не значит, что они разные. В самой масленичной песне могли быть разные строфы. В варианте переселенцев исполняется текст, который исполнялся родителями на родной стороне.

В сибирской деревне была также записана лирическая песня, время создания которой относится к XX веку. Ее уверенно исполняли все участницы фольклорного ансамбля. Приведем здесь два ее варианта, поволжский и сибирский:

Мункун иртиччен, уйăх ситиччен
 Эп купăсна урама тухаттăм.
 Кăвак сўслё хёр, кăвак куçлăскер
 Астумастăп – епле таишатчё.

Върман варринче, чăрайи хушиинче
 Эп суралтăм Чăваши ялёнче.
 Вунсаккăрта чух юратрăм хёре
 Астумастăп хăши вăхăтрине.

Ситрё кёркунне, ўкрё шурă юр,
 Ситрё манăн сунмалли вăхат.
 Манăн сар хёре ашиё килёнчен
 Парас терёс пуян ывăльне.

Уйăх ситсессён, хёвел ансассан
 Эп тухаттăм урама купăсна.
 Кăвак куçлăскер
 Астумастăп – епле таишатчё.

Авалхи ййла, тёттём пурнăçра,
 Сураçтарчёс хёре ирёксёр:

Сёлё хумханса пуç кăларнă чух
 Сăмах пачё: «Эп санăн», – тесе.

*Çĕр аллă тенке, ылттăн укçалла
Ун çинчен виç витре эрехле.*

*Йухрĕ ман куçсуль вăрăм çĕрсенче,
Пĕр сар хĕршĕн айша сунтарса:
Иртнĕ кунсенче, ас тумастăн эп,
Епле мана комсомол çăлчĕ.*

*Çитрĕ кĕркунне, укĕрĕ шурă юр,
Çитрĕ манăн сунмалли вăхăт.*

*Ашишĕ килĕнче пуян ывăлне
Çураçтарчĕç хĕре ирĕксĕр:
Çĕр аллă тенкĕ ылттăн укçалла
Çийĕнчен виç витре эрехле.*

До конца Пасхи, до конца месяца / Я с гармошкой выходил на улицу. / Седовласая девушка с голубыми глазами / Не помню – как танцевала. / Осень наступила, выпал белый снег, / Настало мое время горевать. / Мою милую из родительского дома / Решили отдать за сына богача. / Древний обычай, темное житье / Сосватали девушке поневоле / За сто пятьдесят рублей, за золотые деньги, / В придачу три ведра водки. / Лились мои слезы длинными ночами, / Из-за одной красавицы горевал / В прошлые деньки, я не помню, / Как меня спас комсомол.

(записано В. П. Воробьевым в 1933 г. от Т. Красильниковой).

Посреди леса, среди елей / Я родился в деревне Чуваши. / В восемнадцать лет влюбился в девушку / Не помню, в какое время, / Наступил месяц, солнышко зашло / Я выходил на улицу с гармошкой. / Голубоглазая / Не помню, как она танцевала. / Когда овес, колыхаясь, заколосился / Обещала: «Я твоя». / Наступила осень, выпал белый снег, / Настало мое время горевать. / В отчем доме за сына богача / Сосватали девушку поневоле / За сто пятьдесят рублей золотом / Вдобавок за три ведра водки.

(записано экспедицией НГК в 2003 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко, М. Н. Голубевой, Е. И. Петровой).

В 1933 г. во время правительственной экспедиции композитор В. П. Воробьев записал эту песню и отметил, что она исполняется на мотив русской песни «Кирпичики» [НА ЧГИГН, отд. VI, ед. хр. 236, с. 187]. Причем им отмечается, что ее знают все. Распространена она в Урмарском, Козловском, Канашском, Аликовском районах, а также исполняется молодежью на заводах в Козловском и Шумерлинском районах Чувашии.

Указанная песня является образцом *пейт* (сюжетной песни). Это песня под названием «*Савраш пуçĕнче*» («В деревне Савруши»), в ней выражается протест против купли-продажи девушек без их согласия, протест против насилия над свободной любовью. Она возникла в годы Советской власти (в конце 20-х годов) в чувашской д. Савруши ныне Октябрьского района Татарской Республики. Автором ее был молодой чуваш Калинов Григорий Гаврилович, погибший в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Автор использовал подлинные факты, имевшие место в 1927–1928 гг. в его родной деревне и связанные с его личной жизнью. Комсомолец Григорий (автор), заядлый гармонист, полюбил девушку, но та любила комсомольца С. Родители же решили выдать ее замуж за деревенского богача. Бегство ее не спасает: ее ловят и вместе с женихом увозят в сельсовет на регистрацию. Там она во всеуслышание заявляет о своей любви к комсомольцу С. и становится его женой. Этот факт лег в основу песенного сюжета. Но автор использовал только один мотив: насильственную выдачу замуж за богача. И песня стала как бы обличительным документом старых порядков, старого быта – продажу и куплю женщин за деньги в дореволюционное время [9]. Эта песня получила достаточно быстрое и широкое распространение и ныне существует в Чувашии в нескольких вариантах; она прочно закрепилась в традиции и стала поистине народной.

В отношении музыкального компонента привлекаемых для сравнения фольклорных произведений укажем, что большинство рассмотренных нами образцов свидетельствует

о сохранности ряда наиболее устойчивых закономерностей традиционной чувашской песенности. В сибирских вариантах, так же, как и в близких им поволжских текстах, сохраняется пентатонная ладовая система, квантитативная ритмика, фазовое развертывание мелодии, четкие строфические формы. Благодаря глубокой структурированности элементов музыкального языка, свойственной чувашской песенной культуре, ритмо-синтаксическая и ладовая основа подавляющего большинства песенных образцов сохранилась в сибирско-чувашской традиции Северного района Новосибирской области практически без изменений. Отличия между поволжскими и сибирскими вариантами затрагивают преимущественно уровень мелодики, что закономерно для фольклорных произведений, бытующих в сугубо устной среде.

Мелодии масленичных песен в большинстве случаев заключены в двухстрочных строфических формах (см. рис. 1. Записано в 2003 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко). Стиховая организация строк – силлабическая, строки многослоговые (7+4, 7+3). Ритмическая организация напевов является квантитативной, строки состоят из пяти ритмических ячеек (строка типа «анатри» [4]). В начале строк можно обнаружить двухвременные и трехвременные двухслоговые ритмические ячейки, строки замыкают пятивременные двухслоговые ячейки и четырех/шестивременные однослоговые ячейки. Ритмическую формулу первых двух строк этого образца (третья и четвертая строка почти точно их повторяют) можно изобразить следующим образом: 223/35+333/36 (цифрами отражена временная продолжительность ячеек, которая была вычислена из расчета 1 – восьмая, 2 – четверть, 3 – четверть с точкой, 4 – половинная и т. д. Знак «/» указывает на окончание слоговой группы внутри строки).

♩ = 80
Ла - ши - се - не кў - ле - ри ла - йа - ххи - се,

♩ = 86
Я - лан сїл(и) - хи вё - сё - сем кя - три - се?

♩ = 83
Хё - рё - се - не ла - рта - ри чи - пе - рри - се,

♩ = 93
Са - сси - сем те шан - крав пек у - сси - се?

Рис. 1. Нотный пример. Масленичная песня

Мелодия звучит в характерном для чувашской традиционной музыки пентатонном ладу, по структуре это наиболее распространенный пентатонный звукоряд *d*, с отсутствующим звуком *h* (*dega(h)*) [4, с. 95]. Весь звукоряд напева показан сразу, в первой же мелодической фразе. Соотношение опорных звуков квартовое *c'–g*, в котором *c'* является промежуточной опорой и *g* – заключительной. Мелодику рассматриваемого образца по взаимоотношению текста и напева можно определить как нестрогослоговую, поскольку при преобладающей координации один слог – один звук присутствуют краткие двух- и трехзвучные распевы. В целом же можно заметить, что настоящий напев масленичной песни демонстрирует собой ряд ярких закономерностей, свойственных чувашам именно диалектной группы *анатри* (многослоговая строка, пятиячейковая ритмическая организация строки и т. п.).

Структуры напевов рекрутских песен во многих случаях можно определить как простую трехстрочную строфу АВВ [4]. Мелострока и версострока соотносятся как АВВ-АВВ₁. Стиховая организация строк – силлабическая, строки многослоговые (6+4, 4+6). Ритмическая организация напева является квантитативной, строки состоят из четырех ритмических ячеек. В основе ладообразования напевов рекрутских песен также находится пентатоника, по структуре это пентатонный звукоряд *e – egahd*, с элементами южночувашского лада – переменной по высоте ступенью *g* (*gis*) [4]. При основном опорном тоне *e* на роль побочной опоры претендует звук *a* (особенно это заметно в начальных фрагментах второй и третьей строк). Мелодику рассматриваемого образца по взаимоотношению текста и напева можно определить как нестрогослоговую, поскольку при преобладающей координации один слог – один звук присутствуют краткие двузвучные и изредка четырехзвучные распевы. Подобные напевы количественно преобладают среди рекрутских песен, бытующих у сибирских чувашей.

Выводы. Анализ результатов исследования, основанных на полевых материалах, изучение опубликованных и архивных материалов позволили выявить основные тенденции развития и охарактеризовать современное состояние чувашского песенного фольклора указанных сел. Системы фольклорных жанров Канашского района Чувашии и Северного района Новосибирской области во многом совпадают. Некоторые жанры в Сибири оказались утраченными, например, народные песни, звучащие в пасхальный период, колыбельные песни, фольклорные тексты, сопровождающие похоронно-поминальный обрядовый комплекс и т. п. При этом в сибирско-чувашской диаспоре более ощутимы заимствования из русской традиционной музыки, нежели в материковой традиции. Подобное качество проявляется как на уровне отдельных компонентов (песенные сюжеты, напевы), так и в плане целых жанров, таких как лирические песни поздней традиции, русские ча-стушки, фольклоризованные церковные песнопения.

В сибирской диаспоре, к сожалению, более заметен процесс утраты традиции. В иноязычном окружении, в контексте оторванности от своей исторической родины, в ситуации большей размытости этнического сознания этот процесс идет быстрее, нежели на материковой территории традиции, в Поволжье. Однако чувашский песенный фольклор на сибирской земле сохранялся на протяжении всего XX века; его отдельные произведения бытуют в сибирских очагах чувашской народной культуры вплоть до настоящего времени. Деревня Чуваши Северного района Новосибирской области с ее талантливыми песенницами, настоящими знатоками традиции, является одним из подобных очагов.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

НА ЧГИГН – научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. – 3-е, доп. изд. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2017. – 383 с.
2. *Ильина Г. Г., Александров А. А.* Фольклорные традиции Канашского, Янтиковского и Урмарского районов Чувашской Республики: жанровый состав // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2020. – № 2(107). – С. 41–49.
3. *Исмагилова Е. И.* Особенности распространения музыкально-фольклорных традиций чувашей Сибири в сравнении с материковой территорией их бытования // Вестник музыкальной науки. – 2020. – Т. 8, № 2. – С. 76–86.
4. *Кондратьев М. Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. – М. : ПЕР СЭ, 2007. – 288 с.
5. *Коровушкин Д. Г.* Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – 188 с.
6. *Коровушкин Д. Г.* Чуваши в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX–XXI веках. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 200 с.
7. *Матвеев Г. Б.* Научная жизнь. Экспедиции // Чувашский гуманитарный вестник. – Чебоксары, 2006. – № 1. – С. 250–256.
8. Населенные пункты Чувашской Республики. 1917–2019 годы: справочник об административно-территориальном делении / сост. В. А. Нестеров, Ф. Н. Козлов, О. В. Александрова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2020. – 575 с.
9. *Одюков И. И.* Чувашские народные сюжетные песни-баллады // Одюков И. И. Избранные труды: исследования по фольклору и литературе, методические материалы. Воспоминания и документы. Письма, рецензии, отзывы. Сны / сост., автор предисловия и комментариев В. А. Ендеров. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – С. 178–216.
10. *Осипов А. А.* К вопросу о диалектологии чувашской народной песни // Вопросы истории и теории чувашского искусства : сб. статей ЧНИИ. – Чебоксары, 1982. – С. 112–124.
11. Песни низовых чувашей / сост. М. Г. Кондратьев, Е. С. Сидорова : в 2-х кн. Кн. 1. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1981. – 144 с.
12. Песни средненизовых чувашей / сост. М. Г. Кондратьев. – Чебоксары : Типография № 1, 1993. – 336 с.
13. *Харитонов В. Г.* Канаш. Исторический очерк. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2013. – 255 с.
14. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. Иккĕмĕш кĕнеке / пухса хатĕрленĕ, ум сăмахпа ăнлантарусене сыраканĕ О. Н. Терентьева. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2017. – 471 с.
15. Чуваши: история и культура / отв. ред. В. П. Иванов. – Т. 1. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 416 с.

Статья поступила в редакцию 23.04.2021

REFERENCES

1. *Dimitriev V. D.* Chuvashskie istoricheskie predaniya: ocherki istorii chuvashskogo naroda s drevnih vremen do serediny XIX veka. – 3-e, dop. izd. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2017. – 383 s.
2. *Il'ina G. G., Aleksandrov A. A.* Fol'klornye tradicii Kanashskogo, Yantikovskogo i Urmarskogo rajonov Chuvashskoj Respubliki: zhanrovyy sostav // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2020. – № 2(107). – S. 41–49.
3. *Ismagilova E. I.* Osobennosti rasprostraneniya muzykal'no-fol'klornykh tradicij chuvashkej Sibiri v sravnenii s materikovoj territoriej ih bytovaniya // Vestnik muzykal'noj nauki. – 2020. – T. 8, № 2. – S. 76–86.
4. *Kondrat'ev M. G.* Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma. – M. : PER SE, 2007. – 288 s.
5. *Korovushkin D. G.* Ocherki etnokul'turnoj adaptacii pozdnih pereselencev v Zapadnoj Sibiri. – Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. – 188 s.
6. *Korovushkin D. G.* Chuvashi v Zapadnoj Sibiri: rasselenie i chislennost' v konce XIX – XXI vekah. – Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2009. – 200 s.
7. *Matveev G. B.* Nauchnaya zhizn'. Ekspedicii // Chuvashskij gumanitarnyj vestnik. – Cheboksary, 2006. – № 1. – S. 250–256.
8. *Naseleennye punkty Chuvashskoj Respubliki. 1917–2019 gody: spravochnik ob administrativno-territorial'nom delenii / sost. V. A. Nesterov, F. N. Kozlov, O. V. Aleksandrova. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2020. – 575 s.*
9. *Odyukov I. I.* Chuvashskie narodnye syuzhetnye pesni-ballady // Odyukov I. I. Izbrannye trudy: issledovaniya po fol'kloru i literature, metodicheskie materialy. Vospominaniya i dokumenty. Pis'ma, recenzii, otzyvy. Sny / sost., avtor predisloviya i kommentarijev V. A. Enderov. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2008. – S. 178–216.

10. Osipov A. A. K voprosu o dialektologii chuvashskoj narodnoj pesni // Voprosy istorii i teorii chuvashskogo iskusstva : sb. statej ChNII. – Cheboksary, 1982. – S. 112–124.
11. Pesni nizovyh chivashej / sost. M. G. Kondrat'ev, E. S. Sidorova : v 2-h kn. Kn. 1. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1981. – 144 s.
12. Pesni srednenizovyh chivashej / sost. M. G. Kondrat'ev. – Cheboksary : Tipografiya № 1, 1993. – 336 s.
13. Haritonova V. G. Kanash. Istoricheskij ocherk. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2013. – 255 s.
14. Chävash haläh pultarulähë. Tavraläh halapësem. Ikkëmësh këneke / puhsa hatërlekenë, um sãmahpa änlantarusene çyranã O. N. Terent'eva. – Shupashkar : Chävash kën. izd-vi, 2017. – 471 s.
15. Chuvashi: istoriya i kul'tura / otv. red. V. P. Ivanov. – T. 1. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2009. – 416 s.

The article was contributed on April 23, 2021

Сведения об авторах

Ильина Галина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия; e-mail: galiil69@mail.ru

Александров Алексей Анатольевич – младший научный сотрудник Сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия; e-mail: santoreltiyare@gmail.com

Исмагилова Екатерина Игоревна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия; e-mail: zhimul@inbox.ru

Author information

Ilyina, Galina Gennadyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russian Federation; e-mail: galiil69@mail.ru

Aleksandrov, Aleksey Anatolyevich – Junior Researcher, Sector of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: santoreltiyare@gmail.com

Ismagilova, Ekaterina Igorevna – Candidate of Art Criticism, Researcher, Sector of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: zhimul@inbox.ru